

PAX SINICA? КИТАЙ В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

Интервью: Яна ЛЕКСЮТИНА
Беседовал Максим СУЧКОВ

Максим Сучков (М.С.): Сегодня ключевым мегатрендом международных отношений называют т. н. возвращение великодержавного противостояния. В чем, на Ваш взгляд, отличие межгосударственного противоборства США и Китая на текущем этапе от Холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом? Есть ли что-то общее?

Яна Лексютина (Я.Л.): Я бы сказала, что различий между этими двумя ситуациями великодержавного противостояния гораздо больше, чем общих черт. Общим является сам факт противостояния великих держав и то, что одной из сторон противоборства в обеих ситуациях выступают США, и тогда – во времена Холодной войны – и сейчас обладающие значительной комплексной мощностью и борющиеся за сохранение за собой мирового лидерства. На этом, как мне видится, сходства заканчиваются. А различий достаточно много.

Прежде всего, важно отметить, что в современной ситуации великодержавное противоборство протекает не только между США и Китаем, характеризующихся экспертами как устоявшаяся и потенциальная сверхдержавы и, соответственно, подпадающих под действие так называемой «ловушки Фукидида», но и между США и Россией. При этом современное американско-российское противоборство – это именно великодержавное противоборство. И это то, что отличает нынешнюю ситуацию от времен Холодной войны. Тогда,

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

ORCID: 0000-0001-6766-1792, E-mail: lexyana@ya.ru

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8.

Сучков Максим Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, шеф-редактор журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 20.07.2023

Принята к публикации: 28.07.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

на позднем этапе Холодной войны, по существу великодержавное противоборство развивалось исключительно по линии США – СССР, тогда как противоречия между СССР и КНР не носили великодержавного характера.

Что касается собственно американо-китайского противоборства на современном этапе, одно из его принципиальных отличий от американо-советского противостояния эпохи Холодной войны, – это разное соотношение сил противостоящих сторон. Так, в отличие от периода Холодной войны, когда США существенно – в разы – превосходили СССР по экономической и финансовой мощи, современные США и КНР – вполне сопоставимые экономические акторы с высокой степенью вероятности того, что Китай в недалеком будущем превзойдет США. Современный Китай сейчас незначительно уступает США по номинальному ВВП (18 против 25,5 трлн долл. США по результатам 2022 г.), превосходит – по ВВП из расчета по ППС, по вкладу в развитие мировой экономики, по размерам золотовалютных резервов, по объемам экспорта и в целом внешнеторгового оборота и т. д. Для более чем половины стран мира Китай является крупнейшим торговым партнером, и зависимость целого ряда стран от китайских кредитов и инвестиций весьма высока. В целом, у Китая есть значительные финансовые ресурсы, позволяющие, с одной стороны, самому Китаю успешно развиваться и демонстрировать миру успех своей политико-экономической модели (и таким образом вовлекая в орбиту своего влияния другие страны, испытывающие восхищение успехами Китая), а, с другой стороны, проецировать свое влияние на многие страны и регионы мира.

Вместе с тем в военном плане ситуация прямо противоположная – по военной мощи и ядерному потенциалу Китай значительно уступает США. У Китая нет официальных военно-политических союзников, есть всего лишь одна заграничная военная база (или, по формулировке Пекина, пункт материально-технического обеспечения в Джибути), имеется крайне ограниченный опыт ведения военных действий или операций. Поэтому и противоборство между США и Китаем будет проявляться в обозримом будущем скорее не в военно-политической плоскости (как это было характерно для американо-советского противоборства времен Холодной войны), а в первую очередь в экономической – стороны будут обмениваться ударами, призванными пошатнуть позиции соперника в мировой экономике, торговле и международной финансово-экономической системе.

Отличие современной ситуации состоит и в том, что, если во времена Холодной войны существовали достаточно четко очерченные разграничительные линии между так называемыми капиталистическим и социалистическим лагерями/мирами, на текущем этапе ярко выраженного противостояния двух мировых систем нет. По существу, отсутствует противостояние двух идеологий, которые бы способствовали разделению мира на «мир американский» и «мир китайский». Пекин не стремится распространить социалистические ценности, собственную модель политико-экономического и общественного развития на другие страны, не пытается ее экспортировать.

М.С.: За что конкретно, по Вашему мнению, ведется эта борьба? Статус, идеология, технологическое лидерство?

Я.Л.: С точки зрения Пекина, борьба ведется за право Китая придерживаться собственной модели и траектории развития и модернизации, отличающейся от продвигаемой Вашингтоном западнолиберальной модели. За право Китая восстановить утраченные им в ходе «потерянного столетия» или «столетия унижений»¹ статус и доминантные позиции в мире. За право Китая реализовать китайскую мечту о великом возрождении китайской нации.

Вашингтон же ведет борьбу за удержание за собой мирового лидерства и американского превосходства. В представлении американцев, это и борьба за демократические ценности, за их продвижение в мировой дискурс и практику.

М.С.: Говоря о региональном измерении этого противостояния, где, по Вашим наблюдениям, оно наиболее острое?

Я.Л.: Интенсивное, многовекторное, по-настоящему межгосударственное региональное соперничество между США и Китаем прослеживается именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), тогда как в других регионах мира, например, в Африке или Латинской Америке, американо-китайское соперничество носит не столько межгосударственный – и уж тем более не великодержавный – характер, сколько характер конкуренции между национальными бизнес-интересами, между американскими и китайскими компаниями.

Интенсивность американо-китайского соперничества в АТР обусловлена принадлежностью Китая к этому региону. Высокая активность Вашингтона близ китайской территории воспринимается Пекином крайне остро и расценивается как представляющая вызов или даже угрозу национальной безопасности Китая. Именно в этом регионе концентрируются наивысшие в китайской иерархии национальных интересов так называемые «коренные интересы» или «болевые точки» Китая, оказание давления на которые позволяет Вашингтону реализовывать политику сдерживания Китая. К таким «болевым точкам» относятся, в частности, тайваньский вопрос, комплекс противоречий вокруг спорных островов и права прохода военных судов в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Пекин крайне беспокоят регулярные проходы американских военных судов в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны Китая, углубление союзнических отношений и военно-политического сотрудничества США с отдельными странами АТР (нередко имеющими территориальные споры с Китаем), американские продажи вооружений Тайваню и в целом тесное военное сотрудничество США с островом, создание различных закрытых блоков (типа *QUAD* или *AUKUS*), наращивание американского военного присутствия в регионе (в частности, военно-морских сил), перспективы расширения НАТО в АТР.

¹ Период, следовавший после начала Первой опиумной войны в 1840 г и продлившийся вплоть до окончания Второй мировой войны или даже образования КНР в 1949 г.

Развитие американско-китайского регионального соперничества или даже противостояния в АТР можно датировать 2009 г., когда тогдашняя американская администрация Б. Обамы инициировала курс на «возвращение в Азию». Курс на расширение присутствия США в этом регионе был продолжен и даже усилен последующими администрациями, включая нынешнюю администрацию Дж. Байдена. Именно в АТР мы наблюдаем комплексное региональное соперничество двух держав, охватывающее как военно-политическую сферу, так и экономическую.

М.С.: С началом специальной военной операции (СВО) в американском стратегическом сообществе стали все чаще ссылаться на конфликт России и Украины, строя прогнозы относительно будущего Тайваня. Насколько, с Вашей точки зрения, корректны такие параллели? И как опыт СВО повлиял на политику Пекина в отношении острова?

Я.Л.: На мой взгляд, при сопоставлении этих двух узлов противоречий важно учитывать один принципиальный момент – в отличие от Украины и украинской ситуации, ставки США на Тайване очень велики, как и велика вероятность непосредственного военного участия США в тайваньском кризисе в случае нападения КНР на Тайвань. У США и Тайваня был продолжительный опыт официальных союзнических отношений (1954–1978 гг.), с известной долей условности можно говорить о том, что в действующий американский Закон об отношениях с Тайванем от 1979 г. вписаны американские обязательства по защите Тайваня, американские президенты неоднократно выступали с заявлениями о готовности Вашингтона выступить в защиту Тайваня в случае нападения Китая. Принимаемые в последние годы законодательные инициативы Вашингтона и практические шаги, в том числе включающие масштабные продажи американских вооружений острову и интенсификацию военных связей, свидетельствуют о все увеличивающемся уровне поддержки Тайваня со стороны США. Гипотетический отказ Вашингтона защитить Тайвань в случае военной операции Китая был бы чреват и сильными репутационными издержками для США и в принципе поставил бы под сомнение всю систему союзнических обязательств Вашингтона и его способность выполнять взятую на себя миссию по защите свободы и демократии в мире. Ведь современный Тайвань – это состоявшаяся демократия, успешный эксперимент по распространению демократических ценностей и практик в азиатском обществе.

Что касается влияния российской СВО на Украине на политику Пекина в тайваньском вопросе, как мне представляется, оно было значительным. В Пекине осознали, насколько велики могут быть издержки военной операции на Тайване, на какие серьезные, разрушительные для мировой экономики и международной системы шаги могут пойти США и их союзники в целях оказания давления на противника. Накануне начала российской СВО целый ряд специалистов по Китаю, включая некоторых авторитетных российских экспертов-китаистов, прогнозировали скорое осуществление Пекином военного сценария возвращения Тайваня. Если такие планы у Пекина в действительности и были, то, как мне видится, российская СВО заставила Пекин их

скорректировать, сдвинуть на тот период, когда Китай создаст полноценные страховочные механизмы, позволяющие ему хеджировать риски антикитайских санкций.

После начала российской СВО Китай сконцентрировал максимум усилий и ресурсов на комплексном мониторинге и изучении вводимых против России санкций и ограничительных мер с тем, чтобы выявить механизмы возможных антикитайских санкций и слабые места, куда могут быть нацелены антикитайские санкции, а также разработать ответный инструментарий и страховочные механизмы. По моим оценкам, в фокусе усилий Пекина в предстоящие годы будет сглаживание американо-китайской конфликтности с тем, чтобы выиграть время для дальнейшего усиления Китая, увеличения самодостаточности и самообеспеченности Китая (технологической, энергетической, продовольственной и пр.), повышения независимости Китая от находящихся под контролем или влиянием США и их союзников финансовых механизмов и институтов, торговых путей.

Вместе с тем важно отметить, что российская СВО и жесткая реакция на нее со стороны США и их союзников отнюдь не поколебали намерения Пекина реализовать задачу воссоединения континентальной части Китая с Тайванем. Эта задача является одной из ключевых в процессе реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации. И, предположительно, данная мечта должна быть достигнута к 100-летию образования КНР, т.е. к 2049 г. Речь, представляется, идет лишь об отсрочке военной операции Китая на Тайване.

М.С.: Вы продолжительное время наблюдаете за развитием Китая, укреплением его роли в международных отношениях. «Китайская угроза», как о ней говорят в Вашингтоне, – это миф или реальность?

Я.Л.: Все зависит от того, что подразумевается под «китайской угрозой», ведь для разных стран и разных экспертов «китайская угроза» может быть разной. Если рассматривать «китайскую угрозу» как вызов американскому мировому доминированию и превосходству, то да, я действительно согласна с такой трактовкой и постановкой вопроса. У Китая есть серьезный потенциал достигнуть паритета и даже превзойти США как по финансово-экономическим слагаемым комплексной государственной мощи, так и по показателям военной и технологической мощи. Сейчас даже самым отъявленным идеалистам и романтикам – тем, кто на протяжении многих лет в США выступал за политику «вовлечения» Китая, – очевидно, что кооптировать Китай в американскую систему ценностей и сферу влияния невозможно. Китаю удалось интегрироваться в существующую международную систему, при этом не поступившись своими ценностными установками и ориентирами и не попав в сферу американского влияния. Китаю удалось не только научиться играть по сформулированным во многом без участия Китая правилам, но и, следуя этим правилам, переигрывать основателей этой системы.

Важно понимать, что по мере усиления Китая, расширения его национальных интересов, которые уже давно не концентрируются на ближайшей периферии Китая, а охватывают уже весь мир, интересы Китая все чаще вступают в непосредственное столкновение с американскими. В свою очередь, необходимость защиты коммерческих интересов Китая, которые уже сосредоточены по всему миру, неизбежно требует усиления внимания Пекина и к вопросам безопасности и, соответственно, приводит к расширению роли Китая в вопросах обеспечения глобальной и региональной безопасности. Таким образом, шаг за шагом, мы видим, как Китай, который на начальном этапе инициированных в декабре 1978 г. экономических реформ, казалось бы, руководствовался исключительно задачами национального развития и повышения благосостояния собственного населения, постепенно встал на путь движения к мировому лидерству. Мировое лидерство вряд ли является самоцелью для китайского руководства, скорее его обретение видится залогом, важным условием для дальнейшего поступательного развития и подъема Китая.

М.С.: Опоры американского доминирования в мире известны – мировая резервная валюта, многократно превосходящая суммарный потенциал противников военная мощь, система военно-политических альянсов, прорывные технологии, практики управления, работа с гражданским сектором в третьих странах и т.д. А на что опирается Китай?

Я.Л.: Прежде всего, Китай опирается на свою значительную финансово-экономическую мощь и до сих пор широко распространенные ожидания среди развивающегося мира относительно того, что в соответствующие страны хлынут огромные китайские инвестиции или кредиты, которые позволят раскрыть потенциал этих стран и привести к экономическому чуду. Мы видим, что многие страны, либо ожидающие китайское финансирование и проекты, либо уже получающие масштабные китайские инвестиции и кредиты, становятся проводниками китайских интересов в международных организациях и институтах и в целом на мировой арене.

Сила Китая состоит в том, что он сделал ставку не на ограниченную по своему количеству группу стран (в случае США – это страны «Группы семи» или шире – ведущие развитые страны или просто американские союзники), а на многочисленную «семью» развивающегося мира. Китай научился с опорой на широкий круг развивающихся стран (и, кстати, особая роль в этой связи отводится африканским странам) умело генерировать широкую поддержку выдвигаемых Пекином международных инициатив. Голоса развивающихся стран становятся решающими не только при голосованиях в различных международных организациях в ходе принятия важных для Китая решений, но и позволяют Пекину продвигать своих представителей на важные руководящие посты в системообразующих организациях. Так, например, китайские представители возглавляют четыре из пятнадцати специализированных учреждений ООН: Продовольственную и сельскохозяйственную организацию Объединенных Наций (ФАО), Международную организацию гражданской авиации

(ИКАО), Международный союз электросвязи (МСЭ), Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Ситуация, когда представители одной страны одновременно возглавляют два и более специализированных учреждения ООН, является беспрецедентной.

В целом, уместно говорить о том, что Китай, не связывая себя формализованными союзническими отношениями, налагающими определенные обязательства и финансовые издержки, создал обширную сеть патрон-клиентских отношений с развивающимися странами, позволяющую Пекину генерировать широкую международную поддержку своих инициатив и продвижение своих интересов в мире.

Китай также уделяет большое внимание и прикладывает значительные усилия для создания «глобальных общественных благ», которые способны составить системную основу *Pax Sinica*. Китаю удалось основать ныне успешно функционирующий многосторонний банк развития АБИИ и выступить соучредителем еще одного многостороннего банка развития – Нового банка развития. Реализуя инициативу «Пояс и путь» и расширяя сеть соглашений о свободной торговле, вовлекая во взаимодействие все большее число стран, Китай распространяет китайские технологические и технические стандарты, правила торговли и ведения бизнеса и пр. Китай постепенно привлекает страны к использованию различных китайских «глобальных общественных благ»: начиная от использования китайской национальной валюты и системы обмена финансовыми сообщениями (*CIPS*) до, например, использования китайской навигационной системы «Бэйдоу». По существу, Китай побуждает другие страны переходить на предлагаемые Китаем «глобальные общественные блага», что постепенно способно пошатнуть системные основы американского доминирования и лидерства в мире.

Важно понимать, что Китай еще в начале или, может быть, в середине пути движения к мировому лидерству, доминированию или созданию *Pax Sinica*. Китаю еще многое предстоит сделать. И в перспективе мы увидим складывание новых основ, на которые Китай сможет опереться в осуществлении лидерских функций.

М.С.: Нужен ли Китаю вообще *Pax Sinica*? Или какое мироустройство, по Вашему мнению, в лучшей степени соответствует его интересам?

Я.Л.: Полагаю, что да, Китаю нужен «китайский мир» или *Pax Sinica*. Для Китая это возвращение в привычное для китайцев состояние – состояние, когда Китай мыслился самими китайцами как «Поднебесная» («*тянься*») или «срединное государство/срединные государства» («*чжунго*»), государство-цивилизация, находящееся в центре мира, с четырех сторон света окруженное варварами, которые могли культурно обогащаться и всесторонне развиваться, взаимодействуя с Китаем. Весьма репрезентативны в этой связи, кстати, все чаще звучащие из Пекина предложения поделить китайским опытом в той или иной сфере с другими государствами. Например, китайским опытом и практиками искоренения бедности или китайским опытом борьбы с пандемией *COVID-19* во время соответствующего кризиса в области мирового здравоохранения.

Становление *Pax Sinica* – это восстановление, в понимании китайцев, исторической справедливости и правильного хода исторического процесса. Ведь, как полагают китайцы, «китайский мир» существовал на протяжении многих и многих столетий и был прерван в результате череды агрессий иностранных держав лишь в середине XIX столетия.

И, наконец, движение к *Pax Sinica* для Китая – это не только восстановление исторической справедливости, но и формирование внешнего окружения, благоприятствующего дальнейшему поступательному развитию и модернизации Китая.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-199-206

About the interviewee:

Dr. Yana V. LEKSYUTINA – Professor, Russian Academy of Sciences, Professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University.

ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lexyana@ya.ru

7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034

The interview was conducted by **Dr Maxim A. SUCHKOV**, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, Director, Institute for International Studies, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, Comparative Politics Journal

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received July 20, 2023

Accepted July 28, 2023